

167. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с председателем временного правительства Французской республики

2 декабря 1944 г.

На беседе присутствуют В. М. Молотов, посол СССР во Франции А. Е. Богомолов, представитель Франции в СССР Р. Гарро, Б. Ф. Подцероб.

После обмена взаимными приветствиями Сталин спрашивает де Голля, хорошо ли он доехал.

Де Голль отвечает, что он и его спутники путешествовали в очень хороших условиях благодаря мерам, принятым Советским правительством.

Сталин спрашивает, был ли де Голль в Сталинграде.

Де Голль отвечает, что он был в Сталинграде и на него большое впечатление произвел этот город, имя которого знаменует собой перелом в ходе нынешней войны.

Сталин спрашивает, видел ли де Голль разрушения.

Де Голль отвечает, что он видел разрушения, а также и начало восстановительных работ в городе.

Далее де Голль говорит, что о своем желании видеть маршала Сталина он сообщил в Москву через любезное посредство посла Богомолова, который передал ему о согласии маршала Сталина встретиться. Далее де Голль говорит, что его первый контакт с Советским правительством имел место в 1942 г. в Лондоне, где он виделся с Молотовым. Де Голль добавляет, что он помнит то, о чем они тогда говорили. Обстановка теперь стала более ясной.

Сталин замечает, что теперь стало легче.

Де Голль говорит, что он согласен с этим, и добавляет, что Франция ныне уже почти освобождена и можно видеть, что она осталась почти нетронутой, не в материальном смысле, а в моральном. Народ, несмотря на страдания и несчастья, в своей совокупности стремится к восстановлению Франции как великой страны.

После небольшой паузы де Голль говорит, что Франция пережила немецкое вторжение в 1870–1871 гг., в 1914–1918 гг. и в 1940 г. Отсюда проистекают почти все внешнеполитические и даже внутривнутриполитические трудности во Франции. Французы теперь хорошо поняли, что единственным средством открыть себе путь в лучшее будущее является тесное сотрудничество с другими державами.

Сталин спрашивает, кто же мешает тому, чтобы Франция вновь стала великой страной.

Де Голль отвечает, что это прежде всего немцы, которых еще нужно победить. Французы знают, что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении. Однако это не означает, что французы

не хотят рассчитывать на свои силы и предпочитают рассчитывать на силы других, на силы своих друзей.

Де Голль говорит, что, в сущности, причиной несчастий, постигших Францию, было то, что Франция не была с Россией, не имела с ней соглашения, не имела эффективного договора. Во-вторых, Франция не была в таком географическом положении, которое дало бы ей хорошую позицию против Германии. Короче говоря, французы были отброшены на плохие границы.

Сталин говорит, что то обстоятельство, что Россия и Франция не были вместе, было несчастьем и для нас. Мы это очень почувствовали.

Де Голль говорит, что если не считать Германию, то только Россия и Франция имеют в Европе географическую континентальную позицию. Обе эти страны являются соседями Германии и, следовательно, находятся под ее угрозой. Так было в прошлом, так будет и в будущем. Де Голль говорит, что он не знает, что думает маршал Сталин о будущем, но что бы ни было сделано для того, чтобы ослабить Германию, этого будет недостаточно, так как останется германский народ.

Сталин говорит, что дело не в германском народе, а в его кадрах. Немцы имеют много скрытых кадров и умеют их скрывать.

Де Голль говорит, что после войны 1914–1918 гг., которая окончилась победой Франции, французы думали, что мир, основанный на Лиге наций, будет достаточным для поддержания мира и безопасности. Французы не приняли необходимого решения. Советская Россия была от Франции далеко, и французы не смогли организовать дело своей безопасности. После этого произошли большие события, и французы узнали многое. Французы поняли, что такое отсутствие Советской России и что такое наличие некоторой идеологии, которая была более мирной, чем реалистической. Он, де Голль, не предполагает, что маршал Сталин думает, будто Франция воображает, что она может восстановить снова свою мощь, сохранить свое место и обеспечить свою безопасность без больших усилий с ее стороны, со стороны ее народа. Де Голль говорит, что он знает, что первым условием восстановления Франции является деятельность ее самой, французского народа, молодежь которого хочет сделать все для того, чтобы восстановить свою страну; этот подъем патриотических чувств является новым для французского народа за последний ряд лет.

Сталин говорит, что немцы помогли нам в этом отношении. Своим режимом оккупации они возвратили народам чувство патриотизма.

Затем Сталин спрашивает, восстанавливается ли во Франции промышленность.

Де Голль отвечает, что промышленность восстанавливается, но очень и очень медленно. Для того чтобы понять, что мешает развитию промышленности, нужно посмотреть, как обстоит дело с транспортом, с углем и с оборудованием. Когда союзники вошли во Францию, то они нашли там разрушенными свыше 4 тысяч мостов, из которых почти все являются железнодорожными. Тем же менее поезда во Франции ходят, хотя и с большими трудностями. Во-вторых, Франция до войны ввозила ежегодно 40 миллионов тонн угля, и сейчас она имеет большие потребности в угле. В-третьих, немцы увезли или разрушили все оборудование, необходимое для производства вооружения, в особенности для производства пушек. Для того чтобы вооружить армию, французы вынуждены обращаться за оружием к американцам, а американцы оружия пока не дают. Де Голль говорит, что он предполагает, что Франции понадобится два года, для того чтобы восстановить свою промышленность.

Далее де Голль говорит, что залежи железной руды находятся в восточных районах Франции. В Эльзасе имеются 42 доменные печи, из которых ныне действуют только две. Это происходит потому, что из Лотарингии нельзя перевозить металл, железную руду и уголь, так как там находятся американские войска, идут сражения, что весьма усложняет положение. Однако, несмотря на это, у французского народа есть твердая воля к тому, чтобы восстановить промышленность.

Сталин говорит, что нам было сравнительно легче восстановить промышленность и транспорт. Сталин говорит, что ему непонятно, почему это дело идет так туго во Франции. Сталин добавляет, что на юге французские города были освобождены довольно легко. В Париже тоже не было больших боев. Следовательно, промышленные предприятия сохранились. В чем дело? Почему не может быстро восстанавливаться французская промышленность? Для того чтобы иметь сильную армию, нужно иметь возможность ее вооружить, а этого нельзя сделать, не имея промышленности.

Де Голль отвечает, что все могут сделать больше того, что они делают; он думает, что и Франция может сделать больше того, что она делает,

Сталин говорит, что можно было бы восстановить военную промышленность, если не расширять всю программу восстановления и если несколько отложить восстановление гражданской промышленности.

Де Голль говорит, что до войны Франция имела 22 тысячи паровозов. В настоящее время во Франции только 5 тысяч паровозов, из которых многие используются для военных перевозок. Де Голль говорит, что он привел этот пример для того, чтобы пояснить трудности, которые стоят перед Францией в восстановлении ее промышленности. Тем не менее французы восстановят свою промышленность, чтобы не быть в зависимости

от других. Главная же причина, почему Франция не может быстро восстановить свою промышленность,— это разрушенные коммуникации.

Сталин спрашивает, как обстоит у де Голля дело с офицерскими кадрами.

Де Голль отвечает, что в 1940 г. немцы взяли в плен почти всю французскую армию и почти всех офицеров. Осталось только небольшое количество офицеров, которые были в Африке и которые сейчас сражаются на фронтах вместе с теми армиями, которые переброшены из Африки во Францию. Однако большинство французских офицеров или в плену, или погибло.

Сталин поясняет, что он спрашивает об этом потому, что во всех странах, где прошла Красная Армия: в Польше, в Румынии, в Венгрии, в Югославии – везде немцы охотились за офицерскими кадрами и увозили их в Германию. Сталин говорит, что он предполагает, что то же самое они делали и во Франции. Был ли объявлен весь состав французской армии военнопленным, спрашивает Сталин.

Де Голль отвечает, что почти вся французская армия была взята в плен в 1940 г. во время быстрого продвижения немцев. Офицеры, которые оставались в тылу, были впоследствии арестованы немцами и вывезены в Германию, а некоторые из них предали родину и сотрудничали с Виши. Таким образом, продолжает де Голль, Франция сейчас почти не имеет офицерских кадров и создает новые офицерские кадры.

Сталин спрашивает, достаточно ли у де Голля летчиков.

Де Голль отвечает, что у него очень мало летчиков, а те летчики, которые находились во Франции, нуждаются в переобучении, так как они четыре года не летали, а кроме того, не знают современных самолетов.

Сталин говорит, что на нашем фронте хорошо сражается авиационный полк “Нормандия”, укомплектованный французскими летчиками.

Де Голль говорит, что ему это известно и что французы гордятся своими летчиками, сражающимися в России против немцев.

Сталин говорит, что это хорошие летчики и что если де Голль нуждается в летных кадрах, то мы могли бы вернуть этих летчиков во Францию.

Де Голль говорит, что, сражаясь здесь, в России, эти летчики приносят большую пользу общему делу.

Сталин говорит, что если бы было достаточно кадров, то мы развернули бы из этих летчиков дивизию.

Де Голль говорит, что он может дать для этого людей.

Гарро добавляет, что во Франции большое количество молодых людей, которые хотели бы научиться летать.

Сталин говорит, что, вероятно, во Франции мало летных школ.

Де Голль отвечает, что там мало школ, а кроме того, мало материальной части.

Де Голль говорит, что Французское правительство благодарно Советскому Союзу за ту роль, которую он сыграл в вопросе об участии Франции в Европейской консультативной комиссии. Французам известно, что именно Советское правительство добилось соглашения с Лондоном и Вашингтоном по этому вопросу. Французы это знают и благодарят за это.

Сталин замечает, что это было в наших интересах.

Сталин спрашивает, многие ли французы вспоминают Петена.

Де Голль отвечает, что, может быть, во Франции и есть кое-кто, кто вспоминает Петена, но в общем его вспоминают мало. Де Голль добавляет, что он должен заявить, что среди французов, и даже в числе тех, кто подчинился Виши, очень мало таких, кто шел с Германией.

<...>Далее де Голль говорит, что для Франции является большим делом, чтобы в будущем по отношению к Германии она находилась в таком территориальном положении, которое бы прикрывало и усиливало бы ее, – в таком положении, чтобы ее силы всегда были настороже. Для французов такой линией, которая осуществила бы географическую и историческую возможность прикрытия Франции, является река, которая называется Рейном. Французы полагают, что, по всем соображениям, Рейн должен быть окончательным барьером на востоке против Германии и германской угрозы. Бывают и другие барьеры, но нужен реальный, географический барьер. Таково мнение французов.

Сталин говорит, что в таком случае французы, видимо, предполагают включить в состав Франции Пфальц и Рейнланд.

Де Голль говорит, что было бы хорошим решением, если бы Рейнская область была отделена от Германии и присоединена к Франции. Может быть, для северной ее части, то есть для бассейна Рура, следует установить другой режим – не французский, а международный. Что же касается Рейнской области вообще, то она должна быть отделена от Германии и присоединена к французской территории, так как это необходимо с точки зрения политической, экономической и военной.

Сталин спрашивает, как смотрят на этот вопрос союзники.

Де Голль говорит, что в 1918 г. был поставлен тот же вопрос. Клемансо тогда предложил передать Рейнскую область Франции. Союзники не приняли этого предложения. Тогда они нашли временное решение вопроса, которое, как показали последующие события, не было успешным. Немцы напали. Де Голль говорит, что, по его

мнению, союзники добились успеха на пути к истине, но, может быть, они не достигли еще полного успеха.

Сталин говорит, что, насколько ему известно, в английских кругах рассматривалась другая комбинация, а именно предложение взять Рейнско-Вестфальскую область под международный контроль. То, что сказал де Голль, является новым, и он, Сталин, впервые об этом слышит. Сталин говорит, что нужно узнать мнение союзников по этому вопросу.

Де Голль говорит, что он надеется, что этот вопрос может быть обсужден в Европейской консультативной комиссии.

Сталин говорит, что России трудно возражать против этого.

Де Голль говорит, что если бы англичане и американцы исторически и географически находились бы как французы на Рейне, то вопрос мог бы быть решен другим способом. Но они там не находятся ни исторически, ни географически. У них есть другие заботы. Французы в этом убедились; и они и русские заплатили за это дороже всех. Это – урок на будущее.

Сталин говорит, что англо-американские войска ведут в этом районе операции против Германии. Сталин говорит, что он считает, что нужно выслушать мнение Англии и Америки и без них такого вопроса не решать.

Де Голль отвечает, что он согласен, что нужно действовать сообща с Англией и Соединенными Штатами. Но нужно вопрос решить, ибо новый мир должен быть длительным миром, а не миром только на 1945 г. Американцы и англичане не всегда будут на Рейне, а Франция и Россия всегда останутся на своих местах.

Сталин говорит, что последние две войны показали, что сила континентальных держав недостаточна для того, чтобы обуздать Германию. Без помощи английских и американских сил трудно победить Германию. Нужно учесть опыт двух войн. Хотя Англия и Америка расположены далеко от Рейна, но они достаточно близки для того, чтобы сыграть важную роль в достижении победы. Таков урок двух войн.

Де Голль отвечает, что это верно, но вмешательство англичан и американцев происходит в условиях, которые уже все видели. Де Голль говорит, что он имеет в виду Францию, которая чуть не погибла. Если можно найти решение, которое дало бы Франции и России хорошие условия в начале войны против Германии, то это будет в интересах всех, в том числе и англичан и американцев. Де Голль говорит, что он не уверен в том, что англичане и американцы этого не понимают.

Сталин говорит, что тем лучше.

Сталин говорит далее, что сама по себе граница не спасает дела, хотя и благоприятствует успешному ведению войны с Германией. Сталин говорит, что у нас есть люди, которые считают, что Карпаты и Трансильвания являются естественными границами России. Однако очень трудно перенести границу в Трансильванию или Карпаты. Мы и не настаиваем на этом, потому что не границы решают дело, а хорошая армия и хороший командный состав.

Сталин говорит, что он просит де Голля понять его. Дело в том, что мы, русские, не можем решить этот вопрос одни, не побеседовав с англичанами и американцами. Не только такой, но и многие другие вопросы мы не можем решать без своих союзников и без попыток прийти к общему решению.

Де Голль говорит, что он также считает, что этот и все другие вопросы, относящиеся к Германии, союзники должны решать вместе. Далее де Голль говорит, что в установлении международной системы в Рейнской области есть одно неудобство для Франции. В случае принятия такой системы непосредственная безопасность Франции зависела бы от доброй воли других держав и от состояния их готовности.

Сталин говорит, что все государства зависят друг от друга и что для борьбы против Германии нужно иметь союз антигерманских держав. Кроме вопроса о границе нужно иметь в виду взаимопомощь, так как сил только двух держав недостаточно для устранения германской опасности. Сталин говорит, что не нужно преувеличивать значение границ для защиты государства. Если думать, что Карпатские горы или Рейн могут спасти дело, а армия может спать, то это может породить такие же иллюзии, какие породила вера в линию Мажино, в линию Гитлера, в восточный вал Гитлера. Хорошо иметь на границе высокие горы, но это не решает дела. Не следует преувеличивать значение вопроса о границах.

Де Голль говорит, что он не считает, что Рейн сам по себе может создать для Франции безопасность. Де Голль согласен с тем, что сказал маршал Сталин о высшей необходимости создания союза антигерманских государств. После последней войны Франция все пожертвовала для этой возможности, и Франция понимает, что недостаточно правильно решить вопрос о границах, для того чтобы вопрос о германской опасности был решен. Нужен союз антигерманских держав, чтобы помешать Германии снова напасть. Такого мнения придерживается Французское правительство.

Сталин говорит, что это хорошо.

Молотов говорит, что в 1935 г. был подписан пакт с Францией, но он не был выполнен.

Де Голль говорит, что Молотов, вероятно, не хочет видеть разницы между Лавалем и де Голлем.

Молотов говорит, что он эту разницу видит, но он лишь привел пример того, что один договор уже был подписан, но остался на бумаге, он не был выполнен. |

Де Голль говорит, что договор 1935 г. не был ратифицирован, но в нем не все было плохо. В нем есть моменты, которые теперь не стоят в порядке дня. Например, ряд положений пакта подчинен положениям пакта Лиги наций. Для нашего времени это неприемлемо. Однако сам пакт неплохой. Таково мнение Французского правительства. Де Голль спрашивает, что думает об этом Советское правительство.

Сталин замечает, что пакт 1935 г. неплохой, но он не был выполнен.

Молотов говорит, что история этого пакта дала нам урок на будущее.

Сталин говорит, что война эта очень тяжелая и для Советского Союза и для Франции и она многому нас научила.

Де Голль спрашивает, не предполагает ли Молотов, что пакт 1935 г. после уточнений и дополнений будет неприемлем.

Молотов отвечает, что он на днях читал заявление, сделанное на пресс-конференции во французском министерстве иностранных дел г-ном Оффруа, который заявил, что этот пакт больше не существует.

Де Голль отвечает, что пакт не существует, поскольку он не был выполнен, и дело сейчас идет о том, чтобы выработать новый пакт, Де Голль спрашивает, полагает ли Молотов, что пакт 1935 г. может послужить отправной точкой для выработки нового пакта.

Молотов отвечает, что он исходит из слов маршала Сталина о том, что антигерманские державы должны договориться.

Де Голль говорит, что Советский Союз подписал договор с Англией в 1942 г. и с Чехословакией в 1943 г. Это – хороший договор.

Сталин говорит, что когда заключали франко-советский договор 1935 г., то не все было понятно. Потом мы поняли, что Лаваль и его коллеги не доверяли нам как союзникам. Подписывая с нами договор, они хотели связать нас и не дать нам пойти на союз с Германией. Мы, русские, тоже не совсем доверяли французам, и это взаимное недоверие погубило пакт. Нынешняя война либо ликвидировала это недоверие, либо довела его до минимума. Этим отличается положение 1944 г. от положения 1935 г. Французы теперь поверили, что русские будут драться против немцев, а русские верят французам. Это создает благоприятные условия для пакта. Вопрос этот надо обдумать.

Де Голль соглашается с этим и говорит, что об этом надо подумать.

Далее де Голль говорит, что он не хочет того, чтобы его поняли так, что Франция питает какое-то недоверие к Англии или к Америке. Этого нет, но он, де Голль, знает, что условия нового мира должны быть более надежными и более реальными. Этот реализм в условиях мира могут внести французы и русские. Де Голль говорит, что он то же самое сказал и Черчиллю во время пребывания последнего в Париже.

Далее де Голль говорит, что до сих пор речь шла о Западе, но есть еще и Восток. Маршал Сталин сказал, что он не думает, что только границы решают вопрос. Он прав. Но все же есть и вопрос о границах. Важен вопрос не только о западных границах Германии, но и о ее восточных границах, так как существует одна Германия, и нужно подумать обо всех ее границах.

Сталин говорит, что он думает, что исконные польские земли должны быть отданы полякам. Силезия, Померания, Восточная Пруссия должны быть возвращены Польше.

Де Голль говорит, что, насколько он понимает, Одер должен явиться границей Германии, а дальше к югу граница должна идти по реке Нейсе, то есть западнее Одера.

Сталин подтверждает это и говорит, что, по его мнению, это будет справедливо.

Далее Сталин говорит, что Австрия должна существовать как независимое государство. Что касается Чехословакии, то, во всяком случае, ее восточная граница в районе Судет должна быть восстановлена. Сталин говорит, что в разговорах с Черчиллем и Рузвельтом затрагивался вопрос о расчленении Германии без конкретных определений.

Де Голль говорит, что он не думает, что Франция будет иметь серьезные возражения против передачи полякам Восточной Пруссии, которая всегда была злым элементом в германской политике. Де Голль говорит, что он имеет в виду в данном случае вопрос о восточной границе, не касаясь других вопросов о Германии.

На этом беседа заканчивается.

Сталин приглашает де Голля на завтрак на 3 декабря.

Де Голль благодарит за прием и за приглашение.

СФОТ, II, С. 156–165